

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО ЭКОНОМИКЕ

25 февраля 2016 г. | Москва

Выступление

Марата Атнашева

Атнашев Марат. Атнашев Марат, я 12 лет занимался ТНК и ТНК-ВР управлением крупными проектами, строительством новых месторождений. Потом 5 лет примерно то же самое делал в «Евразии Металлургия» и сейчас в **.

Атнашев. Давайте тогда про металлы, металлы и уголь, наверно, сразу и некоторый диапазон металлов еще, то есть цветные и черные металлы, хотя все немного разные. Во-первых, безусловно, что я хотел сказать? Безусловно, есть внешний ценовой шок, безусловно, есть везде снижение цен. Мне кажется, что и про нефть, и про металлы нужно помнить ту историю, что мы как страна — это некая функция макроэкономическая от собственной нефти и металлов, и когда мы говорим о себестоимости — это некий условный тезис. Потому что себестоимость нефти и металлов будет ровно такой в стране, ведь других-то источников валюты нет, поэтому она будет ровно такой, какая нужна, чтобы ее смочь продать. Потому что себестоимость, если говорить об операционных затратах, а это, в общем-то, энергия, труд, транспорт и все то, что мы делаем дома. Значит, в общем-то, себестоимости нет.

Очень долго люди говорили, что 50–60 долларов, сколько и где у нас граница? У нас граница может быть и 10, и ниже. И у нас были шахты рудные, то есть такие красивые очень истории, когда цена была 160, а себестоимость была 115 на шахте. Ну плохо, конечно, очень плохая себестоимость, ничего сделать невозможно, то есть профсоюзы, исторические затраты, подземная добыча и так далее. А потом цена становится 100, а себестоимость становится 95. Потом цена стала 45, а себестоимость стала 35. Конечно, с одной стороны, это движение, да, конечно, там есть постоянное поджатие, и это частные отрасли, и там есть поджатие эффективности, но оно нам 10–20% дает, может быть 25%, если вы инвестировали. А остальное — это сжатие собственной себестоимости, потому что одновременно есть удешевление рубля. И важно то, что удешевление рубля тем, кто работает на экспорт, это дает двойной эффект. С одной стороны, вам дается удешевление всех затрат, то есть у вас себестоимость на шахте или в точке производства, на заводе уменьшается. И одновременно у вас транспортная составляющая чудесным образом вместо 35 долларов за тонну становится 15 долларов или вместо 100 долларов, как для металла, у вас становится 40 долларов, и мы получили еще 60 долларов в подарок. И это подарок хороший, который позволяет выдерживать все эти внешние перегибы. Мне кажется, что это вполне естественное состояние, ведь если мы посмотрим на карту экспорта России в 1995 году, то есть что мы экспортировали и в каком объеме тогда? Мы тогда получали 52 млрд долларов за некое количество X экспорта. И потом, в 2014 году, мы то же самое экспортировали, то есть в физике практически ничего не изменилось, и получали мы за это 500 млрд долларов.

То есть ожидать того, что дальше что-то изменится из-за того, что мы станем получать 300? Мы будем экспортировать то же самое, но будем просто получать 200. Вот эта картинка, которая, мне кажется, пока, во всяком случае... мы не нашли пока никаких других вариантов, что можно было бы экспортировать.

Если говорить о металлургии, то в этом смысле у нее начался кризис чуть-чуть раньше, то есть у черной металлургии, у производителей алюминия спрос начал валиться раньше. И тут нефтянка помогла, потому что, на самом деле, если бы этот кризис продолжился и если бы эти ножницы сохранились еще года два, тогда было бы очень тяжело металлургам. Из-за того что нефтянка подвалилась, поэтому дальше макроэкономика догнала, поэтому жизнь стала чуть-чуть проще.

Второй тезис — это инвестиции и горизонт, в принципе, об этом уже начали говорить относительно нефтянки. Действительно, горизонта необходимого нет, и что все рентные отрасли? Я, опять же, готов говорить и за нефтянку, и за металлургию. У нас есть костяк активов — это СССР, то есть все то, что досталось от СССР, и еще есть некоторые небольшие доработки, достройки и оптимизации, которые, в общем-то, связаны с тем, что мы поменяли форму собственности, где-то провели реструктуризацию, предложили западные технологии, международные технологии. И, в общем-то, довольно-таки

эффективно, ничего экстенсивно и глобально не развивая, но, в общем-то, ГРП сделали, сделали глубокие оптимизации в нефтянке. Мы сделали в металлургии все то, что нужно сделать, то есть стандартный набор из 5–6 технологий, но инвестиций в расширения или в какую-то разведку, конечно, у нас нет, то есть мы просто эксплуатируем базу, которая у нас была исторически. И сегодня, если учитывать то, что мы сейчас сказали о банковской сфере. Своих источников, естественно, нет, поэтому думать о том, что будут какие-то инвестиции в расширение, естественно, ни в металлургии, ни в нефтянке, а в металлургии в этом смысле гораздо хуже, потому что ее нет. И там есть такие ситуации, условно говоря, на большом предприятии, не говоря о том, где оно находится и что это за предприятие. И там есть задача, условно говоря, что раз в 15 лет нужно дамбу обновлять, расширять и увеличивать, и это стоит несколько сотен миллионов долларов. Ну причем капиталка гораздо больше привязана к доллару, потому что все-таки она подразумевает технологическое оборудование — и там уже нужно вкладывать 50–60%, зависящих от валюты. И вот в этой ситуации вам говорят о том, что там через два года каюк, и это к вопросу катастрофы, и это слово появляется. Но потом оказывается так, что вас два или три раза обманули, поэтому инженер — парень со смекалкой, поэтому он все время говорит за два упада до обрыва. Но на самом деле эти два упада проходят довольно-таки быстро, и где конкретно точка, когда начнет полноценно, то есть когда технологические события начнут совершаться, конечно, сказать сложно. Я знаю по конкретным предприятиям, где у меня есть эти ощущения, то есть то, что точки локальных катастроф существуют, и когда они произойдут — это сказать сложно. Ведь это больше не нефтянка, потому что у них концентрированные риски в переработке, но там, в принципе, неплохо инвестировали в последнее время. А если говорить о металлургии, то там таких рисков довольно-таки много, где действительно нужен капитальный ремонт. А капитальный ремонт, в принципе, это полная капитальная перестройка, от которой ничего не остается.

И это, в общем-то, я про инвестиции говорил. И тут есть ощущение такое, что могут быть точечные, конкретные, технологические и техногенные катастрофы. В принципе, у нас был уже такой опыт. Сейчас даже на *, то есть на поддержание большинство компаний деньги толком не тратят, то есть имеется такое состояние предельно поджатой экономики.

И, собственно говоря, следующий тезис — это долги, то есть почему, собственно говоря, нет денег даже на текущую ситуацию, потому что, казалось бы, так, что все ждалось, операционно предприятия выглядят не так плохо. Но на самом деле операционно они выглядят не так плохо в рублях, и тут тоже нужно провести линию. И если говорить о черной металлургии, об угле — и энергетические предприятия стоят на двух ногах, то есть они и на внутренний рынок, и на внешний рынок опирались, и их сейчас спасает внешний рынок, а внутренний рынок, естественно, заваливается. Ну стройки нет, серьезного спроса нет, рубль упал. Ну поэтому те, кто занимается цветной металлургией, конечно, там чуть-чуть поменьше, там больше доля экспортная, и там более красивая, более устойчивая картинка. Ну, значит, собственных денег нет, долги большие. И есть прекрасный пример уважаемой компании «Мечел», как раз это к вопросу о банковской системе. То есть компания «Мечел» должна была быть ликвидирована где-то четыре года назад, но три года назад точно. Компания «Мечел» прекрасно существует до сих пор, и банк, и государство коллективно то наезжают, то откатываются. Мне с определенной регулярностью кто-то звонит...

Например, я занимался несколькими проектами проектного финансирования, я знаю о том, что все проекты проектного финансирования, которыми я занимался, они находятся в глубоком минусе. И это ** на счетах тех банков, которые дали это проектное финансирование. Естественно, интерес банка в этом смысле — это просто поддерживать хорошую мину при плохой игре и сохранять какой-то вариант позитивного операционного потока, и истории о том, что мы готовы растянуть, продолжить. Конечно, это отрицательные активы, и шансов на то, что они станут позитивными, не очень много. Мне

кажется, что таких активов много, и не только «Мечел» тут есть, ведь он тут — это просто одиозная история, но таких историй очень много, то есть имеется очень много компаний, которые реально находятся в минусе, интереса с ними что-то делать не будет. Но и акционер перестает тоже, то есть как только он видит то, что компания находится в минусе, он к ней относится как к опциону, ведь зачем вкладывать во что-то, что технически уже не мое, у меня риск минуса уже состоялся. И дальше либо вдруг случится что-то чудесное, тогда я смогу выйти в плюс, и тогда нужно подождать, а зачем вкладывать?.. Ну понятно, в общем-то, дальше расчет такой.

Если говорить о долговой катастрофе, то мне тоже кажется так, что ее нет, то есть это именно не катастрофа, а такое ощущение сжимающегося шарика, то есть катастрофа — это когда у вас платежный баланс не сшился, когда вам нечем заплатить. И вот этой ситуации нет, потому что у вас текущие платежи есть и все заинтересованные игроки заинтересованы в том, чтобы сохранять ощущение, что у нас вечное чаепитие, в принципе, мы нормально сидим, все время шесть часов. Ну этот такой сжимающийся шарик рано или поздно может нас куда-то притащить, в общем-то, мне кажется, что и правительство тоже заинтересовано в поддержании ощущения сжимающегося шарика. Ну то есть у всех и всего меньше, но нигде не взрывается, нигде ничего не ломается. Ну то есть не карточный домик валится, а просто сдувается вся наша экономика. Проблема долгов просто формирует то, что никакого роста не будет. Интересно то, что банковский сектор, по сути, говорит о том, что у нас все плохо, но мы пока как-то живем. Но ведь на самом деле банковский сектор — это тот механизм, через который нормальная экономика формирует рост. И этого роста тут точно не предвидится, потому что тут все уже закупорено до такой степени, что никакие истории... Ну, во всяком случае, в тех индустриях, с которыми я взаимодействовал, мне кажется, что там перспектив развития пока нет.

Следующая история поближе уже к катастрофам — это моногорода. Наверно, тут более жесткая ситуация, мне кажется, что тут Андрей тоже может добавить. Они сейчас 300–400 мэров собрали, то есть практически всех мэров они собрали, со всеми они поработали. Если говорить о моногородах индустриальных, то там достаточно интересная картина. То есть есть достаточно много производств, которые технически конкурентоспособность уже давно не имеют, и по социальному, политическому контракту эти предприятия поддерживают, и есть масса таких активов. Опять же, я не видел прецедента, чтобы кто-то серьезно решал эту проблему, например переселением, то есть занимался этими серьезными вопросами. Ну, как правило, переговоры с местной властью заключаются в том, как долго вы можете потерпеть и что нужно для того, чтобы всем потерпеть. Ну, в принципе, это тоже про ту же самую концепцию, то есть давайте хуже, но все вместе мы постоим. Для того чтобы реформировать эту ситуацию, наверно, никто не созрел. Может ли моногород стать проблемой? На мой взгляд, есть моногорода, и тут уже вопрос культуры и специфики. Есть моногорода, например на Урале, где я видел очень быстрый подъем, то есть люди выходили на стачки. То есть полноценно, с лидерами, со всеми делами, и дальше только деньгами решается, в принципе, других решений нет, во всяком случае, пока нет. А есть города, где люди привыкли к своему подавленному состоянию, и там они готовы терпеть дольше. И что это значит для политики — это мне сказать сложно, но есть такие ситуации, где действительно напряженно с этим. Мне кажется, что в одной рудной индустрии, ведь все шахты там гарантированно в норме долгосрочно через четыре-пять лет — это не жильцы, а это Урал и немного Сибирь. Если говорить об угле, то там достаточно количество шахт, которые либо в ноль, либо просто стоят, опять же, есть минусы, которые должны выходить. Конечно, это не огромное количество, но этого много. И там есть такой регион, который называется Кемерово, который требует пристального внимания, потому что там еще есть риск внешнего шока, Китай. Ну, если уголь будет девать некуда... Все-таки, на самом деле, уголь там развивали для внутреннего пользования внутри СССР, то есть это была внутренняя экономическая

история. И сегодня она почти полностью ушла, то есть вся ее прибыльная составляющая, весь ее интерес, вся ее ценовая составляющая — это все от экспорта считается, и цена ее считается от *.

И если Китай еще как-то дальше серьезно будет проваливаться, и тогда у угля есть достаточно серьезные риски. Поэтому Кемерово как регион, как мне кажется, требует очень пристального внимания. Хотя, опять же, я повторяюсь в том, что снижение нефти... Когда у нас экономика была в 16 тыс. долларов на человека — это все не летало. А когда экономика становится слабее, мы уходим обратно куда-то в XIX век, там эти вещи становятся... Ну, если ты другого производить не можешь, тогда ты уходишь немного обратно в историю, и ты начинаешь производить то, что производил в более ранних периодах, и оно становится рентабельным. В принципе, почему бы и нет. Ну просто это немного грустная история.

И последний тезис, который я хотел бы сказать, — это возможность государственного влияния. Никакого антикризисного вмешательства, мне кажется, совсем не видно. Потому что, на самом деле, стандартный рецепт такой развитой экономике — это государство работает антициклически, и там работать может открытая, крупная экономика, у которой есть потенциал работать антициклически. То есть нужно увеличивать размер, количество денег от государства, от бюджета и доступность денег каким-то образом в тот период, когда денег меньше, чтобы экономика работала. Проводить такую политику у России, конечно, нет, ведь у нас бюджет сокращается быстрее, чем экономика, у нас бюджет сокращается в разы быстрее, чем экономика, если посмотреть на структуру, то есть как это образуется все. У нас есть экспорт, еще быстрее сокращается импорт, еще быстрее сокращается бюджет, потому что он зависит и от экспорта, и от импорта вместе взятых с мультипликатором. Поэтому, на самом деле, если считать реально в долларах, то тут есть какой вариант? Расходовать ФНБ? Ну за полтора года уже 20% потратили, поняли, что такого делать нельзя. Поэтому, мне кажется, что никакой контрциклической политики быть не может, и это не может быть технически, и это не критика правительства, а это просто реальность. Ну план может быть кризисный, но антикризисного плана быть не может. Ну нужно * реалити.

В принципе, все тезисы про металлургию я сказал, кстати, она очень хорошо реструктурирована, отрасль вся частная. Конечно, в этом смысле хорошо, и уголь тоже частный. То есть все очень здорово, и хорошо то, что у нас нет государственных шахт с государственными директорами, а есть довольно хорошо настроенная металлургия. Помоему, государство даже не хочет туда входить, просто они очень аккуратно соблюдают дистанцию. То есть и государству, и банкам не хочется браться за управление, поэтому они стараются не входить в свои права собственников.

Мовчан. Спасибо. А сколько примерно человек под угрозой в течение четырех-пяти лет?

Атнашев. Наверно, там не про абсолютные цифры говорить, ведь стандартный город — это где-то 25 тыс. человек, и вот нужно считать не то, сколько человек уволено. Ну, например, увольнения металлургия производит постоянно, она производит постоянно оптимизацию, это просто непрерывный процесс. Ну и металлургия, и нефтянка — по 5–6% идет постоянная оптимизация. И это к вопросу о том, если бы вся остальная экономика занималась бы оптимизацией таким же темпом, тогда у нас по углю было двукратное повышение производительности труда. Соответственно, куда делись все кемеровские шахтеры? Они куда-то исчезли, но часть этих шахтеров перешла в какие-то другие бизнесы и еще куда-то. И опасность именно этих 20–40-тысячных городов, где закрывается предприятие с двумя тысячами человек занятости, а больше нет нигде работы. Таких городов сколько? Естественно, я подсчет не делал, но десятки точно есть.